

Краткое содержание:

Лань Сичэнь обеспокоен, у ВанСяней есть планы, а у Цзян Чэна – требования. И музыкальное развитие снова получает необходимое расширение.

О, мы забыли кошмары?

Вэй Усянь чуть не выпрыгнул из кожи.

— Цзэу-цзюнь! — крикнул он, под опасным углом наклоняясь на мече. — Что... как... что?!?

— Вы заперли дверь талисманом и ожидали, что никто не придёт искать вас двоих? — спросил Лань Сичэнь, изогнув бровь.

— Ну, мы решили, что запертая дверь будет достаточно сдерживающим фактором, — защищался Вэй Усянь, разглаживая одежду и успокаивая расшатанные нервы.

Лань Сичэнь просто закрыл глаза и вздохнул.

— Сюнчжан... — начал Лань Ванцзи.

— Я ожидаю, что в следующий раз ты, по крайней мере, уведомишь кого-нибудь, когда соберёшься уходить, — мягко произнёс Лань Сичэнь, пронзая брата прищуренным, неодобрительным взглядом.

— Мне жаль. — Лань Ванцзи поклонился, а Вэй Усянь вздохнул:

— Это я убедил его никому ничего не говорить. Кроме того, было довольно рано, и мы не ожидали, что наше путешествие займёт больше половины дня. Если бы мы вернулись вовремя, Вы бы даже не заметили. — Демонический заклинатель надул губы.

— Ваше отсутствие заметили к обеду. Ты должен извиниться перед сестрой за то, что побеспокоил её. Она была очень расстроена тем, что твоя дверь оказалась запечатана.

Вэй Усянь вздрогнул. Он определённо должен извиниться перед шицзе.

— Да-да, я сделаю это до ужина.

Лань Сичэнь фыркнул, а потом глубоко вздохнул и постарался подавить угрожающее нарастание раздражения.

— Что вы двое делали такого, что заставило вас уйти? Да ещё так далеко, что понадобилось лететь на мече?

— После реакции Чифэн-цзуня на наш последний эксперимент, мы решили, что лучше попробовать что-то там, где никто не может пострадать. — Вэй Усянь пожал плечами. — Кроме того, наше время не было потрачено впустую. Мы выяснили несколько важных вещей.

Слова демонического заклинателя вызвали панику и беспокойство, которые, как думал Лань Сичэнь, он подавил. Он ведь потратил некоторое время, чтобы осмотреть комнату Вэй Усяня, просмотрел ноты, которые они нацарапали на многочисленных листах бумаги, и все эти записи, каждый музыкальный отрывок, вызывал в его душе новую волну смятения и тревоги. И теперь Вэй Усянь подтвердил его опасения — они экспериментировали. А с учётом того, что они были Слиянием, оставалось только мечтать о том, что всё пройдёт ровно и благополучно.

— Что именно ты делаешь? — требовательно спросил глава Ордена Гусу Лань. — Песни, которые я здесь видел, опасны, и вам не следует исполнять их без присмотра.

— Вам стоит поверить в нас, Цзэу-цзюнь, — обиженно запротестовал Вэй Усянь. — По крайней мере, сейчас всё, что мы запланировали, работает.

— Вы двое... — Лань Сичэнь прикрыл глаза, раздражение всё-таки накрыло его опаляющей волной, а он не хотел, чтобы оно отразилось в его голосе и словах. «По крайней мере, они проявили ответственность и вышли за стены Цинхэ», — напомнил себе глава Лань, а вслух спросил: — Ваши... путешествия будут регулярными?

Вэй Усянь посмотрел на Лань Ванцзи, выразив свои вопросы серией мимических подёргиваний, поднятием бровей и наклоном головы. Лань Сичэнь, который гордился своей способностью понимать малейшее выражение лица своего брата, на мгновение почувствовал себя опустошённым — он не мог понять выражение лица Ванцзи прямо сейчас.

— По меньшей мере, неделю, да, — наконец, выдал Вэй Усянь.

Лань Сичэнь кивнул:

— Тогда я бы попросил вас возвращаться до того, как солнце начнёт садиться. Если же вы будете задерживаться, я начну отправлять за вами поисковую группу. Мы не можем позволить, чтобы вы исчезли в то время, когда наша атака так близко.

— Понятно, — как всегда безэмоционально сказал Лань Ванцзи.

— Ванцзи, ты упомянул, что хочешь посоветоваться со мной по поводу мелодий. Тебе всё ещё нужна моя помощь?

— Лань Чжань, почему ты не сказал об этом раньше? — Вэй Усянь ласково потянул за конец лобной ленты Ванцзи; сердце Сичэня ёкнуло и пропустило удар в ответ на откровенную непристойность демонического заклинателя. — Ты же говорил, что твой брат — музыкальный гений.

— Если бы мы завязли, я бы предложил, — пояснил Лань Ванцзи и дёрнул Вэй Усяня за руку, призывая отпустить лобную ленту, уши его при этом мило покраснели. — Ты был более чем способен справиться сам, Вэй Ин.

— Если ты продолжишь делать мне комплименты, я начну краснеть, Лань Чжань, — хихикнул тот.

— Бесстыдник, — пробормотал Лань Ванцзи, избегая смотреть на брата.

— Я такой! — Вэй Усянь просиял.

Лань Ванцзи вздохнул:

— Можешь спросить его, если хочешь, Вэй Ин.

Вэй Усянь выудил из-за пазухи стопку каких-то бумаг и стал лихорадочно перебирать их, и Лань Сичэнь заметил лёгкую улыбку, осветившую лицо его брата. Это было прекрасное зрелище.

Потом его отвлекла пачка нот с бессистемными партитурами, сунутыми ему под нос.

— Вот здесь. Итак, это сработало сегодня, но я хотел посмотреть, совместима ли эта мелодия с этой мелодией, и если я вставлю такты с четвёртого по пятнадцатый между концом этой песни и началом третьего такта этой песни, будет ли это всё ещё удерживать мою силу, или я должен попытаться сохранить больше нот.

Это был вихрь информации, обрушенный на него, и пальцы, указывающие на песни, которые, при одном взгляде на них, зазвучали в ушах Лань Сичэня.

— Молодой господин Вэй, говори медленней, пожалуйста. Особенно, если тебе нужна моя помощь с чем-то таким сложным. Во-первых, что делает эта первая песня? Я не знаком с ней.

— Это «Соблазн». Она предназначена для того, чтобы выманить из чего-то энергию обиды, — объяснил Вэй Усянь, лишь немного замедлив свою речь.

— Тебе удалось смешать песню для энергии обиды с такой песней, как «Очищение»? – спросил Лань Сичэнь, стараясь скрыть удивление в голосе.

Вэй Усянь пожал плечами:

— Да, концовка «Соблазна» дополняет третий такт «Очищения». Реальная же сила «Очищения» исходит из циклического характера песни, поэтому, пока вы начинаете с третьего такта, вы получите весь эффект. — Вэй Усянь продолжал бормотать, как будто не он только что опрокинул мир Лань Сичэня набок.

— Ты... приманиваешь и очищаешь энергию обиды? – уточнил глава Лань. — Разве это... не повредит и тебе? — Он не был уверен в точных особенностях состояния Вэй Усяня, но подобные манипуляции с энергиями определённо должны были как-то повлиять на него.

— Не совсем. Мою энергию обиды выманить наружу примерно так же легко, как и вашу духовную энергию. Но мы всё равно не используем эту технику для меня, поскольку это было бы бессмысленной тратой времени и энергии. В любом случае, как Вы думаете, если я включу эту мелодию прямо в конце «Соблазна», примерно за дюжину тактов, пройду с ней, хотя бы один раз, а затем перейду к «Очищению», она продолжит работать?

— Это «Покой», — пробормотал Лань Сичэнь. — Зачем тебе может понадобиться такая сильная песня, как «Покой»? — Он не мог понять, почему такая сильная песня использовалась таким странным образом, а ещё он никогда раньше не видел «Соблазн».

— Контроль, — коротко пояснил демонический заклинатель. — Эта композиция поможет контролировать привлекаемую энергию, чтобы она не вызвала суеты. Я думаю, что это должно сработать, но пока... Сегодня мы провели около дюжины экспериментов, и они прошли не очень хорошо.

Лань Сичэнь внимательно просмотрел страницы.

— Если вы достаточно опытни, сыграйте «Ясность». Четырнадцать тактов вместо семи, прежде чем перейти к «Очищению», — наконец сказал он. — Это дополнительное дублирование приведет к стабильной части песни, и начать «Очищение» будет не так сложно. Я хотел бы услышать, как вы планируете переходить между песнями, — добавил он и ничуть не удивился, когда Вэй Усянь выхватил флейту и поднес её к губам.

«Соблазн» не был длинной песней, или Вэй Усянь просто сократил её до шестнадцати тактов, но прежде чем он перешёл к «Покою», он сыграл несколько мягких нот, уложившихся в два такта, что связали песни вместе так органично, что Лань Сичэнь мог только моргнуть от шока.

Сичэнь посмотрел на своего брата и увидел откровенную ухмылку в его глазах, которая ясно говорила, что он знал и ожидал такой реакции.

А далее глава Лань услышал очень похожий переход в два такта, который привёл к «Ясности», и ещё один, перешедший в третий такт «Очищения» с такой лёгкостью, что всё исполнение казалось одной песней, а не четырьмя разрозненными.

Это было неортодоксально, по крайней мере, для музыкального совершенствования, каким его знал Лань Сичэнь, но он сомневался, что услышит от Вэй Усяня что-то большее, чем насмешку, если скажет ему об этом. Если его способ работает и делает то, что он хочет, то почему его должны волновать правила?

Поскольку Сичэнь практически мог слышать слова, исходящие из уст Вэй Усяня, он сосредоточился на чём-то другом.

— Эта нота смещается между песнями, — начал он, и глаза Вэй Усяня загорелись.

— Моя шицзе помогла мне с этим трюком, когда я был маленьким. Я хотел сыграть две песни подряд, без остановки, но у них была совершенно разная структура нот, и я попробовал несколько разных способов, чтобы заставить переход звучать гладко. У меня не получалось, и тогда шицзе задалась вопросом: было бы легче, если бы ноты располагались ближе друг к другу, и я подумал, что ж, если это не так, я мог бы сделать их ближе друг к другу. Всего два такта между любыми песнями свяжут их, сделают звучание постоянным, и вам не придётся стирать ни одну из песен.

— Это... сколько тебе было лет? — Лань Сичэнь не мог не спросить.

— Не знаю. Может, десять? — Вэй Усянь пожал плечами, и глава Гусу Лань почувствовал дурноту.

— Сюнчжан. — Ванцзи внезапно оказался намного ближе, и Сичэнь увидел веселье в его глазах.

— Он... как... что... — Старший Лань закрыл глаза и глубоко вздохнул, успокаивая себя.

Может, ему стоит просто вручить Вэй Усяню медальон с выгравированным на нём «Безрассудный гений». Молодой человек совершил достаточно невозможных вещей, чтобы заслужить этот титул.

Он открыл глаза и увидел, что Вэй Усянь выглядит обеспокоенным.

— С этим что-то не так, Цзэу-цзюнь? — спросил он.

— Нет-нет, совсем нет, молодой господин Вэй. Просто я никогда не думал о том, чтобы соединять песни подобным образом. Это не влияет на цель песни?

— Пока вы тщательно применяете свою энергию в правильных точках мелодии, совсем нет. Одна-две ноты — это всего лишь связующее звено. — Он пожал плечами. — Нет двух песен, в которых используются одни и те же соединительные ноты, но нужно всего лишь внимательно изучить мелодии, чтобы выяснить, какие ноты соединят две песни вместе. — Демонический заклинатель наиграл простенькую детскую мелодию, прежде чем почти сразу перейти к «Очищению», сверкая глазами. — Даже простые мелодии можно соединить со сложными. Мы потратили большую часть времени, пытаясь выяснить, какие части песен наиболее важны, чтобы их можно было включить в финальную песню.

Лань Сичэнь кивнул, раздумывая.

— Это работает не только с флейтами?

Вэй Усянь пожал плечами, но, тем не менее, выглядел задумчивым.

— Не уверен. Я никогда ничему другому не учился. Может быть... Лань Чжань, ты думаешь, это работает с гуцинем? — Он посмотрел на Лань Ванцзи.

— ...может быть. Это потребует некоторых экспериментов.

— Согласен. Мы можем попробовать.

— Вы можете попробовать после ужина, — вмешался Лань Сичэнь, — а для начала убедите свою сестру, что с тобой всё хорошо. Кроме того, вас искала целительница Цин.

— Она в порядке? Я имею в виду, её не выгнали? — спросил Вэй Усянь с яркими и взволнованными глазами.

Глава Лань покачал головой:

— Чифэн-цзунь согласился оставить её и её брата здесь, пока война не закончится, и, возможно, он сам наймёт её. — Он мягко улыбнулся. — Я думаю, дева Цин произвела на него неизгладимое впечатление.

Вэй Усянь хмыкнул.

— Цзян Чэн будет ревновать! — радостно заявил он. — Он был влюблён в неё целую вечность.

— Вэй Ин, еда, — напомнил ему Лань Ванцзи, и демонический заклинатель покладисто закивал:

— Хорошо, хорошо. Еда, щице и Вэнь Цин, возможно, не в таком порядке. — Он снова нежно потянул за конец лобной ленты.

— Молодой господин Вэй, до того... — Лань Сичэнь, смущённый из-за своего брата и собиравшийся сообщить Вэй Усяню о серьёзности предпринимаемых им действий, был довольно злобно прерван почти убийственным взглядом этого самого брата.

Что ж, похоже, Вэй Усяню придётся разделить титул «Бесстыдника» с Ванцзи.

Глава Лань отвернулся, намереваясь уйти и скрыть своё смущение от этих двоих.

— Да ладно, дева Цзян часто бывает на кухне, и уже почти время для ужина. Ты можешь легко совместить две вещи из своего списка, — проговорил он, не оборачиваясь, и покинул комнату.

Вэй Усянь же вытащил Лань Ванцзи за рукав следом за Лань Сичэнем в коридор, где, ничуть не смущаясь, переплёл свои пальцы с пальцами возлюбленного, после чего парочка направилась в сторону кухни.

Лань Сичэнь смотрел им вслед с толикой отчаяния, понимая, что вернуться к более спокойным дням не получится. От этого становилось немного грустно, даже несмотря на то, что его успокаивала радость Ванцзи — немного громкого смеха не будет слишком высокой ценой за счастье его брата.

* * *

Ужин в тот день был скрашен присутствием Не Минцзюэ, которому разрешили покинуть свои покои для безнапряжной деятельности. Вэнь Цин сидела рядом с главой Не, дабы следить за ним. Её личность держалась в секрете от всех, кроме тех, кто был в спальне Минцзюэ прошлой ночью, и нескольких членов Ордена Цзинь, которые привезли целительницу из лагеря для военнопленных.

Вэнь Цин также не спускала глаз с только что вошедшего дуэта «ходячих стихийных бедствий».

Вэй Усянь притянул к себе взгляды, как только появился в обеденном зале, несмотря на своё необыкновенно спокойное поведение, а, может, и благодаря ему, а вот Лань Ванцзи определённо привлёк к себе пристальное внимание из-за своей близости к Вэй Усяню. Парочка выглядела очень неоднозначно, и Вэнь Цин, глядя на возросший интерес собравшихся к ужину заклинателей, буквально кожей почувствовала, что прямо сейчас кто-то из них обязательно доставит им неприятности. И точно.

— Молодой господин Вэй опять без меча, — с неприятной хитрой улыбкой заметил Цзинь Цзысюнь. — Тебе не кажется, что без него присутствовать на таком собрании невежливо?

К её удивлению, Цзян Чэн, Лань Сичэнь, Цзинь Цзысюань и Не Минцзюэ разом сузили глаза на молодого господина из клана Цзинь.

Лань Ванцзи же выступил вперёд, намереваясь противостоять Цзысюню, что было, по мнению Вэнь Цин, само собой разумеющимся, но вот массивная поддержка со стороны остальных великих Орденов её удивила.

Вэй Усянь же положил руку на плечо Лань Ванцзи и покачал головой.

— Это того не стоит. К тому же, — сказал он, повернувшись к Цзинь Цзысюню, — зачем мне носить здесь меч? Ты собираешься бросить мне вызов? — Лицо Цзиня дрогнуло. — Я в компании друзей и союзников. Ну и что, если я не хочу носить его?

Цзинь Цзысюнь фыркнул, ноздри его раздулись от гнева, но сказать ему было нечего.

Цзян Чэн, сидевший в стороне, выглядел растерянным.

— Вэй Усянь, — начал он мягко и неуверенно.

Его брат лишь махнул рукой.

— Поругаешь меня позже за мои плохие манеры, Цзян Чэн. Пора ужинать. Любое дальнейшее обсуждение этого тривиального вопроса только задержит подачу еды, и я умру с голоду! — Он ухмыльнулся, как будто его совершенно не заботил неприятный инцидент, и Вэнь Цин отметила, что и Цзян Чэн тотчас постарался взять себя в руки.

Очевидно, он знал. Похоже, что стремление Вэй Усяня никогда не говорить ему правду каким-то образом потерпело поражение, но Вэнь Цин не могла найти в себе силы расстраиваться по этому поводу.

И, судя по тому, что она могла видеть на лицах в комнате, главы трёх великих Орденов и их наследники тоже знали. Что ж, это, безусловно, было важным событием.

Целительница наблюдала, как Вэй Усянь и Лань Ванцзи занимают места рядом с Цзян Чэном, и как Вэй Усянь продолжает болтать с младшим Ланем полностью игнорируя второго молодого господина Ордена Цзинь, который так старался унижить его. А Цзинь Цзысюнь, который всё ещё стоял в центре обеденного зала и явно закипал от переполнявшей его злобы, ещё несколько мгновений сверлил его ненавидящим взглядом, а потом развернулся на каблуках и потопал к своему столу.

Шёпот других заклинателей заполнил пространство, и целительница посмотрела на Не Минцзюэ – глава Ордена хмуро осматривал зал, словно запоминая лица шепчущихся заклинателей.

— Если все вы закончили сплетничать, как крестьяне... — наконец, проговорил он достаточно громко, чтобы его было слышно даже в самых дальних уголках, и голоса в зале резко стихли. — Так-то лучше. Сейчас не время пытаться посеять разногласия между союзниками. Всего через неделю мы выдвинемся в сторону Цишаня, где присоединимся к остальным нашим силам в базовом лагере. Так что, давайте наслаждаться временем, которое у нас есть, а не стремиться находить недостатки и ошибки в наших союзниках. — Минцзюэ многозначительно посмотрел на всё ещё закипающего Цзинь Цзысюня.

— Да! — Одобрительные возгласы прокатились по залу, и глава Не довольно улыбнулся.

— За здоровье Чифэн-цзуня! — раздался тост.

— Да! - По залу разнеслись восторженные вопли учеников Ордена Не, которые изо всех сил стремились поддержать любимого главу.

— Смерть псам-Вэнь! - нестройным хором прокричали собравшиеся заклинатели.

Вэнь Цин сидела тихо, сохраняя на лице бесстрастную маску целительницы, и радовалась тому, что её брата не попросили прийти. Он не смог бы скрыть своих эмоций, как бы ни старался.

* * *

Вэй Усянь заметил Вэнь Цин в дальнем углу обеденного зала. Девушка упёрлась пристальным взглядом в противоположную стену и стоически держала лицо, игнорируя разошедшихся заклинателей во всю болтающих об истреблении Вэней.

— Я скоро вернусь, Лань Чжань, — пробормотал он, положив ладонь на запястье возлюбленного. — Она хотела поговорить со мной, и я полагаю, что сейчас самое подходящее время, мы же будем заняты после ужина.

Лань Ванцзи кивнул, лицо его выглядело слегка обеспокоенным.

— Вэй Ин, — пробормотал он.

— Я буду осторожен, не волнуйся. Верь в меня. - Демонический заклинатель ухмыльнулся.

— Вэй Ин. — На этот раз прозвучало раздражённо, чего и добивался Вэй Усянь.

С бодрым взмахом руки главный ученик Цзян поднялся и стремительно пересёк зал, не обращая внимания на сверлящие его взгляды.

— Дева Цин, — сказал он, немного понизив голос. — Я полагаю, ты здесь ради Чифэн-цзуня?

— Раньше ты редко ошибался, — вздохнула Вэнь Цин. — Я хотела проведать тебя. Какие-нибудь побочные эффекты? — Её глаза осмелились солгать.

Вэй Усянь вздохнул:

— Честно говоря, не могу тебе сказать. Нет-нет, по-настоящему, честно. У меня не было особого шанса узнать, каково это вообще, потому что трусливый второй сын Вэнь Жоханя сбросил меня в яму энергии обиды. — Он ухмыльнулся. — По крайней мере, он получил по заслугам.

— Ты знаешь, что иногда бываешь просто ужасен, верно? — укорила его Вэнь Цин. — Ладно, не будем об этом, — продолжила она. — Я хотела кое-что уточнить. Я уже сталкивалась с избытком энергии обиды раньше, это главная причина, по которой меня держали рядом. Ты испытываешь нечто... похожее. Не настолько неуравновешенное, но похожее. — Она подняла бровь. — Как ты вообще укротил энергию обиды, я не могу даже предположить, но я слышала из надёжных источников, что у тебя со Вторым Нефритом Гусу Лань что-то происходит, и его игра тебя успокаивает.

— Последняя часть — правда. — Вэй Усянь пожал плечами. — Его мелодии очень помогают. Они дают мне больше контроля над энергией. — Он улыбнулся. — Думаю, это хорошо.

Вэнь Цин кивнула:

— Я так и поняла. Если представится случай, я могу дать вам несколько древних свитков от тех, кто пытался сделать то, что вы делаете прямо сейчас. В них вряд ли есть что-то в точности такое, но они могут содержать некоторые идеи. — Губы целительницы дрогнули в лёгкой улыбке. — В настоящее время они заперты в моих старых комнатах.

— Это затрудняет их передачу, — пробормотал Вэй Усянь, бросив короткий взгляд на трапезничавших заклинателей. — Не могу же я войти в его дом и надеяться, что он позволит мне порыться в твоих старых вещах?

Целительница фыркнула.

— Да, маловероятно. — Затем она вздохнула: — Будь осторожен. Если что-то будет не так, больше, чем обычно, найди меня. Возможно, я смогу помочь.

Вэй Усянь кивнул.

— Прекрасно, надеюсь, всё пройдёт отлично, хотя бы для того, чтобы не дать тебе испытать любые новые иглы, которые ты приобрела! — Демонический заклинатель охнул, когда

целительница стукнула его в грудь, и потёр ушибленное место. — Это не было приглашением, — нахмурился он, хотя, на самом деле, она всего лишь ткнула его особенно метким пальцем, и они оба это знали — Вэй Усянь просто не мог не воспользоваться случаем, чтобы поддразнить пылкую целительницу.

— Ты заслужишь настоящей иглы, если не найдёшь меня, безрассудный идиот, — зашипела на него Вэнь Цин. — Будь осторожен, хорошо?

— Я буду осторожен, обещаю. — Вэй Усянь поднял три пальца и широко ухмыльнулся. — Не беспокойтесь обо мне!

Целительница раздраженно отмахнулась от него.

«Всё, что я могу сделать, это беспокоиться о тебе», — подумала она и вздохнула, когда он направился обратно к Лань Ванцзи, потирая своё плечо с гораздо большей болью на лице, чем того заслуживал её тычок.

* * *

— Вэй Усянь! — Цзян Чэн догнал парочку, когда ужин закончился, и схватил брата за руку. — Ты хочешь вернуть Суйбянь обратно? Только...

Вэй Усянь покачал головой:

— Я больше не могу его использовать. Ты извлечёшь из него больше пользы, чем я. Даже если он просто будет висеть на стене как память. — Он улыбнулся. — Не смотри так беспокойно. Со мной всё будет в порядке.

— Ты всегда прикрываешься самоуверенностью, Вэй Усянь, и это меня беспокоит. — Рот Цзян Чэна напрягся. — Ты обещал мне, что расскажешь о том, что сейчас делаешь. Я хочу, чтобы ты сделал это. Я не могу стоять здесь вечно, задаваясь вопросом, что ты задумал.

На мгновение Вэй Усянь нахмурился, обдумывая его требование, а потом посмотреть на Лань Ванцзи.

— Завтра? — спросил он и получил в ответ небольшой кивок. — Хорошо. Завтра рано утром, Цзян Чэн. Как только взойдёт солнце, приходи в нашу комнату. Для того чтобы объяснить тебе всё, нам нужно уехать подальше от цитадели. И не опаздывай. Цзэу-цзюнь настоял на том, чтобы мы возвращались в разумное время каждый день.

— Уехать? Уехать куда?

— Просто приходи завтра пораньше, сам всё увидишь.

— Вэй Усянь! - запротестовал Цзян Чэн, когда его брат развернулся, чтобы уйти, весело помахав на прощание рукой.

Невозмутимый Лань Ванцзи шагнул рядом с ним.

Главе Ордена Цзян ничего не оставалось, кроме как смотреть им вслед.

— Что-то не так, глава Ордена Цзян?

Цзян Чэн так задумался, что голос Лань Сичэня напугал его.

— Цзэу-цзюнь, я не слышал, как ты подошёл. - Он вздрогнул и слегка поклонился. — Просто беспокоюсь о своём брате, — мягко добавил он, утешенный тем, что у него была компания в кулуарах этого странного танца между Вэй Усянем и Лань Ванцзи.

— Молодой господин Вэй — удивительно способный молодой человек, — с улыбкой проговорил Лань Сичэнь. — Кажется, он более чем способен справиться с любой задачей, которую перед собой поставил.

— Он безрассуден, — парировал Цзян Чэн, прежде чем вздохнуть и покачать головой. — Я просто беспокоюсь. Неважно, насколько хорош он во всём, что делает, я не могу не чувствовать себя ответственным за любой вред, который ему причинят. — Он потёр грудь, и на его лице смешались гнев и печаль.

Лань Сичэнь кивнул.

— Его выбор может сбить с толку тех из нас, кто остался разбираться с его последствиями, но он делает всё с добрыми намерениями и добрым сердцем. Лучше всего понять это и принять то, что он даёт, с благодарностью, которую он заслуживает, и сделать всё возможное, чтобы соответствовать этому.

— Соответствовать Вэй Усяню... — пробормотал Цзян Чэн. — Я не думаю, что это возможно, — добавил он с кривой улыбкой. — Но для меня, возможно, это единственный вариант на данный момент. — Он ещё раз поклонился. — Благодарю Вас за Ваши добрые слова.

— Я лишь предлагаю свои мысли, глава Ордена Цзян. - Глава Ордена Лань улыбнулся молодому человеку. - Теперь же, я уверен, Чифэн-цзунь ждёт нашего присутствия. Многие ещё предстоит спланировать.

Цзян Чэн кивнул, и, когда ночь ещё больше окутала цитадель, они вдвоём направились в Зал

Совета, где их ждал Не Минцзюэ и куча незавершённых планов.

* * *

Вэй Усянь переоделся в спальный халат, пока Лань Ванцзи приводил в порядок бумаги, которые они разбросали на столе и вокруг него, а потом прижался к спине возлюбленного и обхватил руками его талию.

— Лань Чжань, ничего, если мы приведём Цзян Чэна, верно?

— Я не возражаю, — мягко сказал Лань Ванцзи. — Он беспокоится.

— Но он на самом деле не знает... не совсем знает, что произошло. — Вэй Усянь вжался лицом в спину Второго Нефрита. — И когда он посмотрит и разберётся в этом, то...

Лань Ванцзи развернул возлюбленного к себе и схватил его за подбородок:

— Перестань волноваться, Вэй Ин. Дыши.

Вэй Усянь сделал несколько вдохов, но это мало помогло ему успокоиться.

— Я даже не знаю, почему это меня так беспокоит, — наконец, произнёс он. — Я думаю, может быть... Я думаю, что он не воспримет это так хорошо, как ты, и если это то, что окончательно оттолкнёт его, я не знаю, что с этим делать.

— Я буду здесь, дева Цзян будет здесь, не волнуйся. — Лань Ванцзи обнял его.

— Если Цзян Чэн так разозлится на меня, шицзе...

— Дева Цзян — сама по себе. Не принимай решения за неё, — твёрдо сказал Лань Ванцзи.

— Ты прав, ты прав. — Вэй Усянь уткнулся носом ему в шею. — Интересно, насколько большой беспорядок я бы устроил из всего этого, если бы тебя не было рядом, Лань Чжань?

Лань Ванцзи чуть отстранился:

— Прекрати. Сейчас есть сейчас, Вэй Ин.

Вэй Усянь закрыл глаза, дыша в пространство между ними и черпая силы из поддержки, которую предлагал ему Лань Ванцзи.

Мало-помалу он приходил к пониманию того, что Лань Ванцзи предложил ему помощь добровольно, не прося ничего взамен.

Воздух наполнился умиротворением, когда хаотичная энергия Вэй Усяня стихла, успокоенная своей противоположностью, мягкие щупальца духовной энергии защитно обвили угольную черноту энергии обиды. (Не то чтобы Вэй Усянь и Лань Ванцзи знали, что это происходит; для понимания этого, потребовалось бы немного больше, чем исследование их ядер, а у них обоих самосознание не было сильной стороной).

Прошло некоторое время, прежде чем Вэй Усянь отстранился настолько, чтобы посмотреть Лань Ванцзи в глаза, его лицо было мягким и улыбающимся.

— Когда всё это закончится, Лань Чжань, я отведу тебя в постель не только для того, чтобы просто поспать, — произнёс он, дико ухмыляясь при виде внезапного покрасневших ушей возлюбленного. — Когда у нас будет время, покой и пространство, мы сможем проверить то, что в весенних книжках называлось забавным, а?

— Бесстыдник, — пробормотал Лань Ванцзи, сверкая глазами.

Вэй Усянь фыркнул.

— Если ты попытаешься сказать мне, что не ждёшь этого, ты нарушишь одно из своих любимых правил, Лань Чжань, — поддразнил он.

— ...обещаю, Вэй Ин, — после паузы выдавил тот, и мерцающие серые глаза загорелись.

— Как только всё будет сделано, Лань Чжань, — поклялся Вэй Усянь и, смеясь, обхватил ладонями лицо Лань Ванцзи и поцеловал его в губы. — Обещаю.

Лань Ванцзи подхватил поцелуй, углубил его и вырвал стон из груди Вэй Усяня.

— Обещаю, — хрипло прошептал он в полные губы.

— Ты собираешься сделать это невероятно утомительным ожиданием, Лань Чжань, — пожаловался Вэй Усянь, прежде чем сделать шаг назад и покачать головой. — Хорошо. Что ж, мы должны попробовать и посмотреть, сможешь ли ты разработать аналогичный метод перехода между песнями на своём гуцине. Если это сработает правильно, завтра мы сможем сыграть всё это в тандеме и посмотреть, увеличит ли добавление твоей энергии в мелодию мощь песни.

Лань Ванцзи неохотно кивнул, выходя из круга мира и уюта, который они создали, и направляясь к переменам.

— Я подумал о возможности. Ты можешь послушать и посмотреть, звучит ли это похоже, — сказал он и начал переодеваться ко сну.

Вэй Усянь кивнул и, оторвав взгляд от стройной фигуры, освещённой свечами, схватил Чэньцин. Когда он обернулся, Лань Ванцзи, положив свой замысловатый головной убор на стопку верхних мантий, распускал свои волосы. Его гуцинь лежал на соседнем столе.

Расчесав волосы и перетянув их голубоватой лентой, Второй Нефрит устроился за столом, положил руки на струны гуциня и с теплотой обратился к возлюбленному:

— Послушай, Вэй Ин.

До следующей отметки на свече они исполнили несколько песен. Лань Ванцзи изобразил плавный переход из двух тактов в том же стиле, который Вэй Усянь использовал между четырьмя песнями ранее, и который им понадобится для завтрашнего дня. У гуциня было совершенно иное звучание, но, по сути, переход был сделан для того, чтобы плавно связать песни вместе, не добавляя никаких дополнительных нот и не внедряя новые части в песню насильно. Пока энергия плавно текла между звеньями, это работало.

Лань Ванцзи обнаружил, что это было не так просто, как утверждал Вэй Усянь, но у него сложилось ощущение, что Вэй Усянь инстинктивно понимал, как энергия течёт по песне, гораздо быстрее, чем большинство других музыкантов-заклинателей, и ему было намного легче реализовать переход от одной песни к другой через два такта.

Тем не менее, он и сам нашёл эту связку после нескольких попыток, и переход в его исполнении между «Ясностью» и «Очищением», звучал так правильно, что Ванцзи даже удивлялся, как он не понял этого раньше.

Он посмотрел на Вэй Усяня, довольный своим достижением, и увидел, что тот смотрит на него с мягкой экстатической радостью.

— Это было потрясающе, Лань Чжань. Ты так быстро всё понял.

— Ты отличный учитель, — сумел вымолвить он, чувствуя, как горят уши.

Вэй Усянь лишь тихо фыркнул.

— Бесплезно спорить с тобой об этом, не так ли. — Он усмехнулся. — Хорошо, раз нам завтра рано вставать, мы могли бы уже лечь спать. — Он положил Чэньцин рядом с гуцинем и растянулся на полу, напоминая сонного, ленивого кота.

— Вэй Ин, — произнёс Лань Ванцзи, многозначительно кладя пальцы на струны гуциня.

— Ах, ах, точно, да. «Очищение». — Он снова усмехнулся. — Если ты чувствуешь необходимость, Лань Чжань, я не буду тебя останавливать. Но после этого я просто исчезну, а ты будешь отвечать за моё бессознательное тело. — Он подмигнул возлюбленному.

— Бесстыдник, — в очередной раз весело пробормотал Лань Ванцзи и подождал, пока Вэй Усянь переберётся на кровать и примет позу, отдалённо напоминающую позу для медитации.

Это было самое большее, что Лань Ванцзи смог от него добиться, поэтому он не стал комментировать действия возлюбленного, а просто заиграл мелодию, вновь не подозревая об энергии, которая выплеснулась из комнаты, затопляя цитадель.

Впрочем, на этот раз, «Очищение» не застало большинство заклинателей врасплох, поскольку они тотчас узнали мелодию вчерашнего дня.

Охранники оживились, а ложившиеся спать — успокоились. Люди, работающие с документами, почувствовали, как стресс уходит, а те, кто выступал посредниками, почувствовали, как волна спокойствия захлёстывает их разум.

Не Минцзюэ только закатил глаза, когда энергетическая волна прошла сквозь него, успокаивая расшатанные нервы, и многозначительно посмотрел на Цзян Чэна и Лань Сичэня.

— В ближайшее время вам двоим придётся драться из-за того, где вы будете проводить церемонию, — многозначительно заметил он.

Цзян Чэн застонал, сопротивляясь желанию положить голову на стол перед ним, а Лань Сичэнь усмехнулся:

— Сначала мы должны убедить их, что церемония необходима.

— О, Вэй Усянь сделает всё ради вечеринки и бесплатной еды, — уверенно заявил Цзян Чэн. — Но этот разговор состоится только после того, как мы закончим эту кампанию.

— Глава Ордена Цзян прав. Проблема моего брата и молодого господина Вэя может подождать.

Не Минцзюэ только раздражённо покачал головой, и они вернулись к насущной проблеме, распределяя различных членов Орденов по отрядам для атаки и обрабатывая отчёты, полученные от разведчиков и шпионов.

* * *

Когда последние ноты «Очищения» стихли, Лань Ванцзи погасил свечи духовной энергией и обнял почти спящего Вэй Усяня, наслаждаясь смешком, который у него вызвал.

— Я думаю, что это бесполезная способность, Лань Чжань.

— Спи, Вэй Ин. — Лань Ванцзи лёг и позволил возлюбленному устроиться поудобнее, растянуться у себя под боком.

— Мм. — И, как будто короткое мычание израсходовало всю его энергию, Вэй Усянь погрузился в сон.

Убрав несколько выбившихся прядей с лица возлюбленного, Лань Ванцзи нежно поцеловал его в лоб, а потом откинулся на спину и закрыл глаза, с миром в сердце, несмотря на огромное испытание, ожидающее их впереди.

Они столкнутся с ним вместе, и это понимание принесло долгожданное облегчение, которое развеяло тревогу, накопившуюся в его сердце.

* * *

Тихое хныканье вывело Лань Ванцзи из сна за несколько часов до рассвета — свет луны слабо падал на пол, давно потухшие свечи казались в темноте бесплодными деревьями, умирающими в пустом поле, а воздух был пропитан мрачными оттенками страха.

— Нет... пожалуйста, тебе нельзя здесь находиться... Лань Чжань... убирайся! — Прямо под его ухом тишину ночи нарушили панические крики.

Лань Ванцзи почувствовал, как его сердце сжимается, когда полные боли мольбы Вэй Ина вонзились в него как ножи. Он никогда не слышал такого страха и отчаяния в голосе возлюбленного, даже в ту первую ночь, когда он нашёл его таким потерянным и подавленным, напившимся почти до потери сознания.

Лань Ванцзи приподнялся, притянул Вэй Ина к себе, прижал его голову к своей груди, заключил в надёжные объятия.

— Я здесь, Вэй Ин, — пробормотал он, надеясь, что сумеет вырвать возлюбленного из кошмара, преследующего его.

Но вместо этого тело Вэй Ина замерло в его руках, а мышцы напряглись, готовые к бою или бегству.

— Ты не можешь... пожалуйста, ты не можешь так поступить... только не с ним... Лань Чжань... пожалуйста, только не с ним... — опустошающие, умоляющие крики — едва слышные, но мучительно настоящие — разрывали душу Лань Ванцзи, оставляя после себя глубокие раны. — Беги, Лань Чжань! Пожалуйста... отпусти его... не заставляй меня... Пожалуйста!

Ходили слухи о том, что энергия обиды может сделать со своими жертвами, как она охотится на их эмоции, их желания и нужды, играет с ними, пока не найдёт слабость и не воспользуется ею. Как она может свести с ума тех, кто пытался её использовать, пока любые благие намерения не будут поглощены бурным потоком ужаса, страха и ярости.

Эти мысли ненадолго пришли ему в голову в ту первую ночь, но когда Вэй Ин проснулся в хорошем настроении, он отбросил их прочь. И с каждым днём Вэй Ин продолжал выглядеть всё лучше — его эмоции стабилизировались, его способность концентрироваться усилилась. И Лань Ванцзи едва задумывался о тех слухах, которые распространялись шёпотом, или об ужасах, которые открыл ему Вэй Ин в ту первую ночь, прежде чем заснул в его объятьях.

Но в своём глубоком желании счастья он забыл — Вэй Ин пробыл в Могильных Курганах три месяца и вышел оттуда живым.

Что он пережил там такого, о чём никому не рассказывал, пока кошмары не заставили его просить у призраков, мучавших его, об отсрочке от их ужасов?

Лань Ванцзи тяжело сглотнул, положил руку на затылок Вэй Ина и заговорил, тщательно подбирая слова, чтобы успокоить свою вторую половину:

— Вэй Ин, я в порядке, в порядке.

— Ты не можешь быть здесь... перестань обманывать меня. — Слёзы капали на кожу Лань Ванцзи. — Только не снова... Лань Чжань... только не здесь... пожалуйста! — Каждая слеза возлюбленного отдавалась огнём и кислотой в горле, каждый глоток грозил вылиться обратно.

Лань Ванцзи хотел заключить Вэй Ина в свои объятия крепче, прижать его так близко, чтобы ничто не могло разлучить их; чтобы не допустить в их мир ни кошмарных монстров, ни войну, ни людскую ненависть — одной лишь силой воли; чтобы Вэй Ин мог отдохнуть, и его разум больше не терзали неудачи прошлого.

— Я в порядке. Я жив. Я здесь, Вэй Ин, вернись ко мне, — прошептал Ванцзи, но голос прервался на последних словах, а затем, не зная, что ещё сделать, он начал напевать... их песню.

Мелодия поднималась и опускалась над навязчивыми стонами и мольбами, — ноющая сладость и тоска в каждой ноте, — и она оттягивала Вэй Ина назад от края тёмной пропасти в его сознании; и медленно он чувствовал, как напряжение уходило из конечностей возлюбленного, отчаянный инстинкт «сражайся или беги» покидал его, возвращая в состояние покоя, а хныкающие крики превращались в тихие, ровные звуки сна.

Ванцзи не умолкал; он позволил мягкому напеву литься дальше, повторил их песню дважды, ожидая, пока каждая последняя унция напряжения и страха не покинет тело Вэй Ина, прежде чем, наконец, провёл песню к концу.

— Я всегда буду здесь, Вэй Ин, — выдохнул он и уложил их обоих обратно на кровать, держа возлюбленного на руках.

— Лань Чжань, — пробормотал Вэй Усянь, уткнувшись лицом в шею Лань Ванцзи, оставляя на его коже дорожки солёных слез. — Мой Лань Чжа...

И Вэй Ин снова погрузился в сон, даже не замечая бешеного биения сердца Лань Ванцзи или горя, сжимающего его гортань.

Не зная, улыбаться ему или плакать, Лань Ванцзи просто зарылся лицом в волосы Вэй Ина и кивнул, с комком в горле и горящими глазами.

В конце концов, он задремал, но отчаянные, умоляющие крики Вэй Ина ещё долго эхом отдавались в его сознании, прежде чем забвение попыталось утянуть его в сон. Но куда там... Мысли никак не отпускали Ванцзи.

Его использовали как оружие против души Вэй Ина, как катализатор для погружения в зияющий, пустой дантянь Вэй Ина, и его сердце всё ещё обливалось кровью при каждом крике, мольбе и всхлипывании, которые эти воспоминания вырывали изо рта Вэй Ина.

Его душа пылала жгучей потребностью окутать всё, чем был Вэй Ин, и защитить его — заменить каждое навязчивое воспоминание чем-то, что вызвало бы улыбку на этом прекрасном лице и превратило бы эти манящие глаза в полумесяцы.

И с этим порывом его душа устремилась вперёд, чтобы исполнить желание — половина Слияния, просто дождавшаяся приказа.

Лань Ванцзи, возможно, не знал, что именно он только что сделал, но будущее трепетало, когда он, наконец, действительно заснул.

<http://bllate.org/book/13203/1177331>